

Несмотря на злость, Цзян Чуан первым делом вернул Вэнь Цзюэ в резиденцию и передал под опеку Чаннина, и лишь после этого отправился обустраивать Бай Юаня.

Едва устроив Бай Юаня, генерал тут же был бесцеремонно выставлен за дверь. Впрочем, он и сам торопился поскорее вернуться к Вэнь Цзюэ.

Рядом с Вэнь Цзюэ находился Чаннин, так что принцу ничто не угрожало, однако на душе у Цзян Чуана становилось всё тяжелее, сердце его медленно опускалось на самое дно.

Он вдруг осознал: неужели он совсем, ни капли не знает Чжиюй? Сам он из кожи вон лез, пытаясь отыскать лекаря, в то время как Чжиюй, казалось, вовсе не желал своего исцеления...

Шаги Цзян Чуана постепенно замедлялись. Чем ближе он подходил, тем сильнее в его груди росла робкая боязнь.

Он боялся, что тот и впрямь не хочет поправляться. Боялся, что супруг вновь нацепит привычную маску покорной нежности, отгораживаясь от него непроницаемой стеной и лишая всякой возможности заглянуть ему в душу.

Даже если не брать в расчет князя И, если Чжиюй через пять лет всё равно... тогда ради чего Цзян Чуан вернулся в этот мир?

Цзян Чуан остановился перед дверью комнаты. За ней сидел тот, кого он жаждал видеть больше всего на свете. И хотя оба хранили молчание, каждый знал, что их разделяет лишь тонкая преграда.

Генерал невольно затаил дыхание, боясь издать хоть звук — словно так он мог скрыть свое растерянное, жалкое смятение.

Земля была под ногами, дверь — прямо перед глазами, стоило лишь толкнуть её, и он увидит любимого человека. На теле генерала еще не зажили следы вчерашних царапин, оставленных Чжиюй, но у него кружилась голова, а всё происходящее казалось нереальным.

Если Чжиюй не захочет ничего менять, то зачем он сам восстал из мертвых? Цзян Чуан впервые в жизни ощутил такую звенящую, оглушительную пустоту в мыслях.

В ушах вновь зазвучал недавний приговор Бай Юаня: «Сейчас он кажется здоровым, но не пройдет и двух лет, как скрытый яд начнет постепенно заявлять о себе. Ему нельзя будет ни на ветру стоять, ни простужаться — малейшее недомогание подстегнет действие отравы. Каждое новое обострение будет мучительнее предыдущего, ломота в костях и суставах сделает его жизнь невыносимой».

Воспоминания о прошлой жизни вихрем пронеслись перед мысленным взором...

Тогда Су Чжи донесла ему, что верный слуга Вэнь Цзюэ, Чаннин, нечист на руку.

Именно тогда Цзян Чуан выяснил, что Вэнь Цзюэ приказал Чаннину выкрасть из кабинета переписку с князем И. С помощью подложных писем князя обвинили в тайном сговоре с министрами, из-за чего тот едва не лишился милости императора и не был навеки предан забвению.

В тот же миг Цзян Чуан осознал: и высочайший указ о браке, и кроткий, ласковый супруг, и клятвы в вечной любви — всё это было гнусной ложью! Чертов пятый принц держал его за

доверчивого пса, помыкая им, как вздумается!

Он ворвался в резиденцию, чтобы потребовать объяснений. Вэнь Цзюэ в тот момент о чем-то негромко беседовал с Чаннином. На его лице играла легкая улыбка. На столе стоял нераспечатанный кувшин, и принц вдыхал его аромат, время от времени негромко кашляя в кулак.

Ослепленный яростью Цзян Чуан посчитал эту улыбку издевкой. В гневе он швырнул кувшин на пол. Острые осколки едва не задели Вэнь Цзюэ, и по комнате мгновенно разлился густой, сладкий аромат персикового вина.

В облаке этого дурманящего запаха Цзян Чуан выхватил меч и прижал лезвие к горлу Вэнь Цзюэ. Увидев потрясенное выражение на его лице, он изо всех сил попытался заглушить боль в собственном сердце.

Чаннин бросился на защиту господина и схватился с Чэнь Линем. Он бил на поражение, целясь в жизненно важные точки, и если бы Чэнь Линь не прошел с генералом сквозь огонь и воду долгих лет войны, то наверняка погиб бы на месте.

Только тогда Цзян Чуан понял, что этот капризный и с виду безобидный слуга на самом деле обладал выдающимися боевыми навыками и походил на специально обученного убийцу.

Когда Цзян Чуан потребовал ответа, какова была его цель, Вэнь Цзюэ лишь шагнул прямо к нему. На бледном лице принца появилась горькая усмешка:

— Раз уж всё зашло так далеко, неужели супруг убьет меня ради третьего императорского брата?

— Ты! — Цзян Чуан едва не задохнулся от гнева. Видя, что тот делает еще шаг вперед, он всё же отдернул меч. Но едва клинок отстранился, как на шее Вэнь Цзюэ проступила тонкая, пугающе алая полоса крови: с каждым движением вперед лезвие глубже рассекало его кожу.

Вэнь Цзюэ коснулся пальцами раны на шее. На его руке осталась кровь. Цзян Чуан до сих пор помнил, как принц обвинял его и князя И:

— Когда четвертый императорский брат издевался надо мной из-за того, что у меня нет матери, когда потешался над моей слепотой и обманом заставил меня прыгнуть с высоты, едва не погубив, третий императорский брат безучастно наблюдал за этим со стороны. — Он слабо улыбнулся. — И после этого супруг всё еще считает третьего императорского брата достойным человеком? Ты по-прежнему готов убить меня ради него?

Цзян Чуана душили ярость и боль. Как мог человек, сотворивший такое коварство, столь хладнокровно оправдываться?

— Значит, ты с самого начала согласился на брак лишь для того, чтобы уничтожить князя И? Использовал меня, чтобы низвергнуть его?

— Да! — без малейшего колебания отрезал Вэнь Цзюэ.

В порыве безумного гнева Цзян Чуан с силой переломил свой меч. Осознание того, что от начала и до конца всё было лишь циничным расчетом и в их отношениях не было ни капли искренности, довело его до предела. Он бросил напоследок:

— Под этой прекрасной оболочкой скрывается лишь зловонная грязь! Вэнь Цзюэ, ты законченная тварь! Видеть тебя больше не желаю!

Теперь, когда он бережно восстанавливал в памяти те события, воспоминания обретали четкость. Он вдруг отчетливо вспомнил, каким мертвенно-бледным было лицо Вэнь Цзюэ еще до его прихода; вспомнил, как мелко дрожало тело супруга во время их ссоры; вспомнил его покрасневшие глаза и прерывистый, охрипший голос, которым тот задавал свои вопросы.

Целый месяц после разрыва Цзян Чуан не возвращался в резиденцию. Он поселился в усадьбе помощника генерала Хуана и проводил дни либо в беспробудном пьянстве, либо в изнурительных тренировках на плацу с утра до ночи.

Счастливые влюбленные вызывали в нем лишь раздражение, а люди, не знавшие любви, — и того пуще.

Когда Чэнь Линь сообщил ему, что в резиденции генерала не прекращают варить лечебные снадобья, поскольку пятый принц слег от болезни, Цзян Чуан лишь отмахнулся: «Да он притворяется! Пытается разжалобить меня, чтобы я вернулся? Пусть даже не надеется, не сработает!»

Однако посреди ночи он втайне пробрался в дом и услышал, как Чаннин спрашивает у Вэнь Цзюэ: «Может, стоит послать за генералом и попросить его вернуться?»

Вэнь Цзюэ и в самом деле выглядел слабым и измученным, но его ответ заставил Цзян Чуана задохнуться от злости:

— Не нужно. Я не желаю его видеть.

Разгневанный генерал не показывался дома еще месяц. Не желает он, видите ли! Можно подумать, кто-то рвется его видеть!

В конце концов он всё же вернулся. Они с Вэнь Цзюэ держались друг с другом словно чужие люди. Цзян Чуан умышленно холодно игнорировал супруга несколько дней, но тот неожиданно сам пришел к нему мириться.

Однако Цзян Чуан ждало горькое разочарование. Всё это «примирение» оказалось лишь очередной сделкой: принц предлагал ему выгоду, призывал трезво оценить обстановку и холодно величал его «великим генералом Цзян» — будто вся прежняя близость была лишь мимолетным сном.

Взбешенный Цзян Чуан перехватил его запястья и заломил их над головой. От тела принца исходил густой лекарственный запах. Гневные расспросы, упреки и глухое разочарование смешались в единый ком. Навалившись на супруга всем телом, генерал с силой прижал его к постели и потребовал ответа: звучало ли в его прежнем ласковом слове «супруг» хоть немного искренности?

Однако страсть, к которой оба уже успели привыкнуть, взяла свое. Препирательства незаметно переросли в безумную близость. Цзян Чуан впервые был так груб и неистов — словно стремился выплеснуть на Вэнь Цзюэ всю накопившуюся в душе боль и обиду.

Теперь он понимал, что Вэнь Цзюэ, должно быть, было невыносимо больно. Иначе он не стал бы обнимать его и умолять сквозь слезы: «Супруг, не надо, мне очень больно...»

Но тогда ослепленный обидой Цзян Чуан думал лишь об одном: «Вот и хорошо. Пусть болит сильнее. Только когда тебе станет по-настоящему больно, ты поймешь, как сильно исстрадалось мое сердце».

<http://bllate.org/book/20326/2029336>